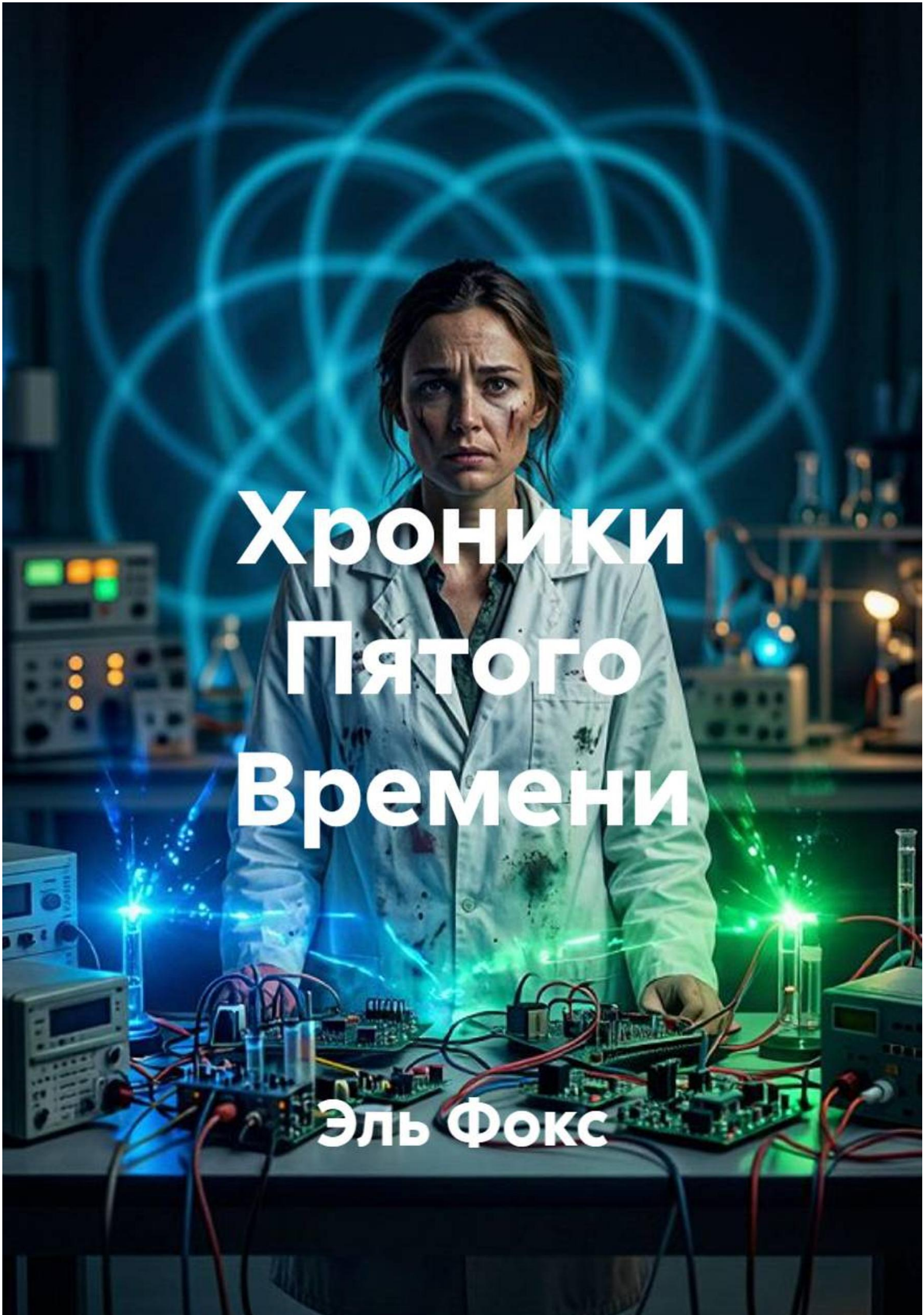
Хроники
Пятого
Времени
Эль Фокс

Эль Фокс

Хроники Пятого Времени

«Автор»
2026

Фокс Э.

Хроники Пятого Времени / Э. Фокс — «Автор», 2026

Элеонора Вейл — физик, который привык, что её не воспринимают всерьёз. Женщина в науке — ошибка природы, так ей говорили три года подряд, и она почти поверила. Пока её эксперимент с хрональной нестабильностью не сработал так, как не должен был: лаборатория исчезла, дождь за окном сменился солнцем Тринидада, а на календаре вместо 2023 года встал 1912-й. В этом времени её прабабушка собиралась сжечь рукописи, способные изменить будущее, и Нора, оказавшаяся здесь без денег и документов, поняла, что должна вмешаться. Единственные, кто знает дорогу обратно, — ирландский историк Дэниэл, утверждающий, что в прошлой жизни был её мужем, и циничный физик Макс, который единственный сказал ей, что она не просто набор формул. Но любовный треугольник — не главная проблема: в этом времени уже есть человек, который знает о Норе больше, чем она сама, и не остановится ни перед чем, чтобы забрать у неё всё — включая память о тех, кого она любит.

© Фокс Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Точка невозврата 5
Глава вторая. Тринидад, 1912 8
Глава третья. Мистер Харрингтон 11
Глава четвёртая. Порт-оф-Спейн 15
Глава пятая. То, что было забыто 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Эль Фокс
Хроники Пятого Времени

Глава первая. Точка невозврата

Лаборатория на третьем этаже корпуса имени Клерка пахла горячей пылью, нагретым пластиком и той особенной, ни с чем не сравнимой горечью кофе, который варили в единственной на весь этаж машине, стоявшей в углу возле доски, сплошь исписанной формулами, поправками и чьим-то отчаянным «НЕТ!!!», обведённым трижды. Элеонора Вейл сидела на подоконнике, поджав под себя одну ногу и придерживая второй стопкой распечатки, которые она просматривала с тем сосредоточенным выражением, когда человек уже понимает, что ошибка где-то рядом, но ещё не может её нащупать — и потому злится не на себя, а на весь мир, включая этот подоконник, этот кофе и этот дурацкий прибор, собранный из деталей, половина которых была заказана через интернет у каких-то энтузиастов из Калифорнии. За окном моросил дождь, превращая оксфордские крыши в размытое пятно, и Нора, оторвав взгляд от бумаг, машинально проследила за струйкой, стекавшей по стеклу, подумав о том, что если её расчёты верны — а они должны быть верны, потому что она проверяла их четырежды, — то хрональная нестабильность в закрытом контуре возникает не от перегрузки, а от эмоционального всплеска оператора, что, в свою очередь, означало, что все эти годы она искала причину не там, где следовало, и от этой мысли у неё неприятно засосало под ложечкой.

— Ты снова не слушаешь, — раздалось от двери, и Нора, вздрогнув, обернулась, обнаружив на пороге Максимилиана Крамера, который стоял, прислонившись плечом к косяку, с чашкой в одной руке и планшетом в другой, и смотрел на неё с тем выражением снисходительного превосходства, которое она ненавидела больше всего на свете и которое, к её величайшему сожалению, шло ему до неприличия.

— Я слушаю, — отозвалась она, сползая с подоконника и прижимая к груди распечатки, точно щит, — просто не смотрю. Это разные вещи, Макс, и если ты ещё не заметил, я работаю.

— Я заметил, — он вошёл в лабораторию, поставил чашку на стол и принялся машинально поправлять очки, что всегда означало, что он собирается сказать что-то, что ей не понравится, — я заметил, что ты третий день сидишь над одной и той же страницей, и, если ты позволишь себе быть со мной откровенной, я скажу, что ты боишься не ошибки в расчётах, а того, что они окажутся верными.

Нора подняла на него глаза и медленно выдохнула, чувствуя, как раздражение, поднимавшееся где-то в груди, уступает место усталому признанию, потому что он был прав — и это бесило больше всего.

— Хорошо, — сказала она, опуская распечатки на стол и разглаживая верхний лист ладонью, — допустим, я боюсь. Допустим, я действительно думаю, что наш эксперимент сработает не так, как мы планировали, и что оператор — то есть я — окажется не наблюдателем, а частью системы. Что тогда? Ты предложишь мне остановиться, потому что «это опасно»? Или предложишь продолжить, потому что «наука требует жертв»?

Макс молчал несколько секунд, глядя на неё поверх очков, и в этой паузе было что-то такое, от чего у Норы пересохло во рту, потому что она вдруг отчётливо поняла: он уже думал об этом, и думал дольше, чем она.

— Я предложу тебе проверить всё ещё раз, — сказал он наконец, и голос его звучал ровно, почти буднично, но она уловила в нём ту натянутую струну, которая появлялась всякий раз, когда он пытался скрыть настоящее беспокойство под слоем профессионального скепсиса, — но не потому, что я боюсь за оборудование. А потому, что если ты права и эмоциональный

всплеск действительно влияет на контур, то мы оба знаем, кто в этой комнате эмоциональнее всех.

Нора фыркнула, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди, — жест, который она переняла у своей бабушки, женщины, воспитавшей её на Тринидаде и научившей её двум вещам: не доверять мужчинам, которые говорят комплименты слишком гладко, и не бояться задавать вопросы, на которые нет ответов.

— Ты сейчас пытаешься сказать, что я — главный фактор риска в собственном эксперименте? — уточнила она, приподняв бровь. — Потому что, если так, то это, пожалуй, самое честное, что ты говорил мне за последние полгода.

— Я пытаюсь сказать, — Макс подошёл ближе и опустился на край стола, оказавшись с ней почти на одном уровне, — что ты вкладываешь в работу слишком много себя. И это не комплимент, Нора. Это диагноз. Ты привязываешься к своим гипотезам так, будто они — живые люди, и когда они не срабатывают, ты воспринимаешь это как личное оскорбление. А теперь представь, что будет, если ты привяжешься к чему-то в прошлом. К кому-то. Ты ведь понимаешь, что я не просто так спрашиваю?

Она понимала. И именно поэтому молчала, глядя в окно, где дождь уже почти прекратился, оставив после себя серую дымку и запах мокрого камня, который проникал даже сквозь закрытые окна, смешиваясь с лабораторным запахом пыли и кофе.

— Я понимаю, — сказала она тихо, и в этой тишине её голос прозвучал неожиданно громко, — но я также понимаю, что если мы не попробуем, то никто не попробует. Ни через год, ни через десять. А моя прабабушка, между прочим, сожгла свои рукописи, потому что ей сказали, что наука — не женское дело. И я не собираюсь повторять её путь, только потому что какой-то немецкий физик с идеальной осанкой решил, что я слишком эмоциональна для собственного проекта.

Макс усмехнулся — коротко, уголком рта, — и поднялся, отодвигая стул с тихим скрежетом, который в пустой лаборатории прозвучал почти как аплодисмент.

— Тогда предлагаю компромисс, — сказал он, направляясь к доске и беря в руки маркер, — ты позволяешь мне перепроверить твои расчёты, а я позволяю тебе не извиняться за свою эмоциональность. Идёт?

Нора смотрела на его спину, на то, как он уверенно стирает чьё-то отчаянное «НЕТ!!!» и начинает выводить ряды цифр, и чувствовала, как внутри неё, где-то под рёбрами, что-то медленно, неохотно, но всё же оттаивает.

— Идёт, — сказала она и, поднявшись, подошла к доске, встала рядом, так близко, что их плечи почти соприкасались, и взяла второй маркер. — Но если ты сотрёшь мою пометку на полях, я тебя укушу.

— Я учту, — отозвался он, не оборачиваясь, и в его голосе было столько сдержанного веселья, что Нора, против воли, улыбнулась.

Они работали молча почти час, и в этой тишине было что-то почти интимное — шорох маркеров по доске, шелест страниц, редкие реплики, которые они бросали друг другу, не глядя, точно теннисисты, обменивающиеся точными ударами, и когда Макс наконец отступил на шаг, любуясь результатом, Нора увидела, что он не просто перепроверил её выкладки — он нашёл ошибку, крошечную, в третьем уравнении, которую она сама не заметила, и от этого открытия у неё перехватило дыхание.

— Здесь, — сказал он, постукивая маркером по доске, — ты использовала коэффициент для открытой системы, а у нас закрытый контур. Если исправить, то эмоциональный всплеск не просто влияет на контур — он его *формирует*. Ты была права, Нора. Права с самого начала.

Она стояла, глядя на исправленное уравнение, и чувствовала, как внутри неё борются два чувства: острое, почти болезненное удовлетворение от того, что её теория подтвердилась,

и тихая, неожиданная благодарность к человеку, который только что признал её правоту, не попытавшись присвоить открытие себе.

— Спасибо, — сказала она, и это слово прозвучало гораздо более хрипло, чем она рассчитывала.

Макс обернулся, и их взгляды встретились — всего на секунду, но в этой секунде было что-то такое, от чего у Норы пересохло в горле, и она поспешно отвела глаза, делая вид, что изучает доску.

— Не благодари, — отозвался он, и голос его звучал чуть более хрипло, чем обычно, — просто в следующий раз, когда решишь, что я пытаюсь тебя остановить, вспомни, что я на твоей стороне.

Она хотела ответить что-то колкое, что-то про то, что он слишком самоуверен, чтобы быть на чьей-то стороне, кроме своей, но не успела, потому что в этот момент прибор в углу лаборатории — тот самый, собранный из калифорнийских деталей, — тихо, почти нежно, загудел, и на его панели замигал зелёный огонёк, которого там не должно было быть.

Нора замерла, чувствуя, как по спине пробежал холодок, и медленно, очень медленно повернулась к прибору.

— Макс, — позвала она, и в её голосе не было ни капли того сарказма, который звучал всего минуту назад, — скажи мне, что ты не трогал настройки.

— Я не трогал настройки, — отозвался он, и по тому, как быстро он оказался рядом, по тому, как напряглись его плечи, она поняла, что он тоже видит: зелёный огонёк мигает не просто так. Он мигает в том самом ритме, который она сама задала в программе — ритме, который означал, что контур активен и что кто-то — или что-то — уже находится внутри него.

— Тогда у нас проблема, — сказала Нора, чувствуя, как пол под ногами становится зыбким, а воздух — слишком плотным, точно перед грозой, и в следующую секунду лаборатория исчезла, растворилась в ослепительно-белой вспышке, и она успела только почувствовать, как чья-то рука — горячая, сильная, отчаянно цепкая — схватила её за запястье, прежде чем мир вокруг неё рухнул и собрался заново, уже другим.

Глава вторая. Тринидад, 1912

Первое, что Нора почувствовала, придя в себя, — это запах. Не лабораторную пыль и не горечь кофе, а густой, тяжёлый, почти осязаемый аромат — сахарная патока, смешанная с пряностями, каких она не встречала ни в одном оксфордском магазине, и ещё что-то дымное, жаркое, идущее от земли, разогретой солнцем до состояния, когда она уже не просто нагрета, а дышит. Второе — это свет. Он был другим: не серым, процеженным сквозь дождь и стекло, а плотным, золотистым, бьющим прямо в глаза, так что Норе пришлось зажмуриться и поднять руку, защищаясь, точно от удара. Третье — тишина. Вернее, не тишина, а другая её форма: вместо гула приборов и шелеста распечаток — стрекот цикад, чьи-то голоса в отдалении, скрип, лязг, звон, и поверх всего этого — тягучая, ленивая мелодия, которую кто-то насвистывал совсем рядом.

— Не двигайся, — раздался голос Макса откуда-то слева, и Нора, повернув голову, обнаружила его сидящим на земле, вернее, на утоптанной площадке перед длинным деревянным строением с широкой верандой, увитой чем-то цветущим, и вид у него был такой, точно он только что попытался проглотить собственные очки и подавился.

— Где мы? — спросила она, хотя уже знала ответ. Знала по запаху, по свету, по этой невозможной, невыносимой жаре, которая обволакивала её, точно мокрая ткань, и по тому, как выглядела земля под ногами — красноватая, сухая, потрескавшаяся, — и по тому, как выглядели люди в отдалении: женщины в длинных платьях, мужчины в светлых рубашках, дети, бегущие босиком по траве, — и всё это было настолько чужим и настолько знакомым одновременно, что у Норы закружилась голова.

— Если верить моим часам, — Макс поднялся, отряхивая брюки, и она заметила, что его руки дрожат, — а я, знаешь ли, привык им верить, потому что они синхронизированы со спутником, — то мы в Тринидаде. И год... — он замолчал, глядя на циферблат с таким выражением, будто тот его лично оскорбил, — год тысяча девятьсот двенадцатый.

Нора медленно выдохнула, чувствуя, как внутри неё борются две противоположные реакции: профессиональное ликование от того, что теория подтвердилась самым радикальным образом, и животный, первобытный страх от того, что они действительно переместились, действительно оказались здесь, в прошлом, в котором их не должно быть.

— Значит, сработало, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим.

— Сработало? — Макс повернулся к ней, и в его глазах было что-то, чего она раньше не видела, — не злость, не сарказм, а настоящий, нескрываемый ужас. — Нора, мы не в лаборатории. Мы не в Оксфорде. Мы в тысяча девятьсот двенадцатом году, и у нас нет ни денег, ни документов, ни малейшего представления о том, как вернуться. Ты называешь это «сработало»?

— Я называю это «сработало», — отозвалась она, и голос её, к её собственному удивлению, звучал ровно, — потому что, если бы не сработало, мы бы сейчас стояли в лаборатории и спорили о коэффициентах. А мы стоим на красной земле под палящим солнцем, и это значит, что моя теория верна, и это значит, что мы можем вернуться. Просто... — она запнулась, обводя взглядом веранду, деревья, людей, — просто сначала нам нужно понять, куда именно нас занесло.

Макс открыл рот, собираясь что-то сказать, — и в этот момент дверь на веранде распахнулась, и оттуда вышла женщина.

Нора сразу поняла, кто это, — не по лицу, хотя лицо было знакомым, она видела его на фотографиях в бабушкином альбоме, пожелтевших, с обломанными углами, — а по осанке. По тому, как эта женщина держала спину — прямо, гордо, чуть откинув голову, точно бросая вызов всему миру, — и по тому, как она смотрела: внимательно, оценивающе, ни капли той

слащавой приветливости, которой Нора ожидала от женщины, родившейся в девятнадцатом веке. На ней было простое светло-серое платье, волосы собраны в пучок, и в руках она держала стопку бумаг, исписанных мелким, аккуратным почерком.

— Вы, должно быть, те самые путешественники, о которых говорил мистер Харрингтон, — произнесла она, и голос у неё был низкий, с лёгкой хрипотцой, — он сказал, что вы приедете издалека. Правда, он не упомянул, что вы будете выглядеть так, будто свалились с неба.

Нора открыла рот, чтобы ответить, но Макс опередил её, шагнув вперёд с той непринуждённостью, которая всегда её раздражала и которая сейчас, как ни странно, пришлась очень кстати.

— Прошу прощения за наш вид, — сказал он, и в его голосе появилась та мягкая, обволакивающая интонация, которой он пользовался на конференциях, когда нужно было очаровать спонсоров, — мы действительно прибыли издалека и, боюсь, несколько... не подготовились к местному климату. Меня зовут Максимилиан Крамер, а это моя коллега, Элеонора Вейл. Мы... исследователи.

Женщина перевела взгляд с него на Нору, и в этом взгляде было столько всего — любопытство, недоверие, и что-то ещё, какая-то тень, которую Нора не смогла расшифровать, — что она невольно поёжилась, хотя жара стояла невыносимая.

— Исследователи, — повторила женщина, и уголок её губ дрогнул, — в Тринидаде, в тысяча девятьсот двенадцатом году. Должно быть, вы изучаете сахарный тростник.

— Не совсем, — вмешалась Нора, чувствуя, что если она будет молчать ещё секунду, то просто взорвётся, — мы изучаем... время. И то, как оно устроено. И, если позволите, я хотела бы задать вам один вопрос, который может показаться странным. Ваше имя — Маргарет Вейл?

Женщина замерла. Всего на мгновение, но Нора увидела, как напряглись её пальцы на стопке бумаг, как дрогнули ресницы, как она чуть-чуть, почти незаметно, отступила назад.

— С кем я говорю? — спросила она, и голос её стал другим — жёстким, настороженным, точно она держала в руках что-то хрупкое и боялась, что это выскользнет.

— С вашей правнучкой, — ответила Нора, и в наступившей тишине было слышно, как где-то в глубине дома плачет ребёнок, как скрипит качелями ветер, как гудят, перекликаясь, цикады. — Меня зовут Элеонора Вейл, я родилась в две тысячи первом году, и я приехала сюда, потому что вы — единственный человек, который может помочь мне понять, как вернуться домой.

Маргарет Вейл — её прабабушка, женщина, сжёгшая свои рукописи, женщина, которую она видела только на выцветших фотографиях, — медленно опустила стопку бумаг на перила веранды и, подойдя к краю, посмотрела на Нору сверху вниз с выражением, которое та не смогла бы описать, даже если бы у неё была тысяча лет на размышления.

— Значит, ты всё-таки пришла, — сказала она тихо, и в её голосе не было ни удивления, ни страха, а только странная, усталая удовлетворённость, точно она ждала этого визита очень давно и уже перестала надеяться, что он случится. — Я думала, ты появишься раньше. Но, полагаю, время — штука неточная, даже для тех, кто умеет с ним обращаться.

Нора почувствовала, как земля уходит из-под ног — не в переносном, а почти в буквальном смысле, потому что колени у неё подогнулись, и она, наверное, упала бы, если бы Макс не оказался рядом и не подхватил её под локоть.

— Вы знали? — только и смогла выговорить она. — Вы знали, что я приду?

Маргарет спустилась с веранды, и теперь они стояли лицом к лицу — две женщины, разделённые веком и связанные кровью, — и Нора впервые увидела, какие у неё глаза: тёмные, почти чёрные, с золотистыми искрами, точно такие же, как у самой Норы, и как у её бабушки, и как у матери, которую она почти не помнила.

— Я знала, что кто-то придёт, — ответила Маргарет, и в её голосе появилась та осторожность, с которой человек говорит о вещах, о которых ему запрещено говорить, — потому что

за месяц до того, как я сожгла свои рукописи, ко мне явился человек. Он назвался историком, сказал, что прибыл из будущего, и предупредил, что если я не остановлюсь, то мои открытия приведут к катастрофе. Я не поверила ему. Я сожгла рукописи, потому что... — она запнулась, и на мгновение в её глазах мелькнуло что-то, что Нора узнала сразу, потому что видела это в зеркале каждое утро, — потому что мне сказали, что это единственный способ защитить мою семью. Мою дочь. Твою бабушку. Но перед тем как уйти, он сказал мне одну вещь, которую я запомнила на всю жизнь. Он сказал: «Когда-нибудь твоя правнучка придёт и спросит тебя, почему ты это сделала. И тогда ты расскажешь ей правду».

Нора стояла, чувствуя, как солнце жжёт ей плечи, как ветер шевелит волосы, как где-то вдалеке кто-то играет на скрипке — и всё это было настолько нереальным и настолько настоящим одновременно, что она не выдержала и засмеялась — коротко, нервно, почти истерически.

— Значит, — сказала она, вытирая выступившие на глазах слёзы, — вы сожгли рукописи не потому, что вам сказали, что наука — не женское дело. А потому, что какой-то человек из будущего убедил вас, что ваши открытия опасны.

Маргарет кивнула, и в её глазах было столько боли, сколько Нора не видела ни у кого за всю свою жизнь.

— Я сожгла их, — сказала она, — потому что мне сказали, что это единственный способ спасти тебя. И я до сих пор не знаю, была ли это правда. Но теперь, глядя на тебя, — она протянула руку и коснулась щеки Норы — осторожно, точно та была сделана из стекла, — я думаю, что, может быть, всё было не напрасно.

Макс, всё это время стоявший чуть поодаль, тихо кашлянул, и Нора, обернувшись, увидела, что он смотрит не на них, а куда-то в сторону дороги, и лицо у него было таким, что она сразу поняла: что-то не так.

— Простите, что прерываю, — сказал он, и голос его звучал очень вежливо и очень напряжённо, — но, кажется, к нам едет всадник. И, судя по тому, как он торопится, он не просто так спешит.

Маргарет проследила за его взглядом, и выражение её лица изменилось — стало жёстким, собранным, точно она надела маску.

— Это мистер Харрингтон, — сказала она, и в её голосе появилась та же настороженность, что и в самом начале, — человек, который сказал, что вы приедете. И, если я не ошибаюсь, он не любит, когда его гости опаздывают.

Нора перевела взгляд с прабабушки на приближающегося всадника — мужчину в светлом костюме, сидевшего на лошади с той уверенностью, которая говорила о годах практики, — и почувствовала, как внутри неё что-то сжалось, какое-то предчувствие, смутное и тревожное, точно она забыла что-то важное, что-то, что вот-вот должно было всплыть на поверхность.

— Кто он? — спросила она, и Маргарет, помолчав, ответила:

— Тот самый человек, который сказал мне сжечь рукописи. Тот самый, который предупредил меня о тебе. И, если я хоть что-то понимаю в людях, — она посмотрела на Нору с той прямотой, которая передалась ей через поколения, — он явился сюда не просто так. И, боюсь, нам всем стоит быть очень, очень осторожными.

Всадник приближался, и Нора, стоя под палящим тринидадским солнцем, с прабабушкой, которая знала о ней больше, чем она сама, и с мужчиной, который только что чуть не назвал её своей коллегой при посторонних, вдруг отчётливо поняла одну вещь: её теория была верна, но она не учла одного — того, что в прошлом уже кто-то был. И этот кто-то очень не хотел, чтобы она вернулась домой.

Глава третья. Мистер Харрингтон

Всадник осадил лошадь шагах в десяти от веранды, и Нора, глядя на то, как он спешивается — неторопливо, обстоятельно, с той выверенной экономностью движений, которая выдаёт человека, привыкшего повелевать, — вдруг отчётливо поняла, что ненавидит его ещё до того, как он открыл рот. Было в нём что-то такое, от чего у неё сводило челюсти: то ли слишком гладкое лицо, то ли слишком светлые глаза, то ли улыбка, которая появлялась и исчезала с точностью хорошо отрепетированного жеста, не оставляя следа ни на губах, ни в выражении. Он был высок, широкоплеч, одет в светло-серый костюм, который сидел на нём безупречно, и от него пахло дорогим табаком и одеколоном — запах, который в этой глуши, среди патоки и пряностей, звучал так же неуместно, как оперная ария на рынке.

— Мисс Вейл, — произнёс он, подходя и слегка наклоняя голову, точно священник, благословляющий паству, — мистер Крамер. Должен признаться, я ждал вас несколько раньше. Но, полагаю, перемещение во времени — наука неточная, и я готов простить небольшую задержку.

Он говорил с тем мягким, почти вкрадчивым добродушием, которое Нора ненавидела больше открытой агрессии, потому что за ним всегда пряталось что-то другое — что-то, что человек не хотел показывать, и от этого её внутреннее чутьё, отточенное годами академических баталий, кричало об опасности.

— Мы не назначали встречи, — отозвалась она, скрещивая руки на груди, и заметила, как дрогнула бровь Маргарет — то ли от неодобрения, то ли от скрытого удовлетворения, — так что прощать нам нечего. Но, раз уж вы здесь, может быть, объясните, с какой стати вы разгуливаете по тысяча девятьсот двенадцатому году и раздаёте советы моей прабабушке?

Макс, стоявший чуть позади, тихо, но очень отчётливо вздохнул — тот самый вздох, которым он всегда сопровождал её «дипломатические провалы», как он их называл, — но Нора не обернулась. Она смотрела на Харрингтона, и Харрингтон смотрел на неё, и в этой паузе, длившейся, наверное, всего секунду, было что-то похожее на шахматную партию, когда оба игрока уже видят следующие три хода, но ещё не решили, стоит ли их делать.

— Справедливый вопрос, — согласился он наконец, и улыбка его стала чуть шире, чуть теплее, и от этого — чуть более фальшивой. — Позвольте мне начать с того, что я — такой же путешественник, как и вы. Только, в отличие от вас, я оказался здесь не случайно. Я прибыл сюда, чтобы предотвратить катастрофу, которая, если ничего не сделать, уничтожит всё — и прошлое, и будущее, и то тонкое равновесие, на котором держится наша реальность. И, к сожалению, мисс Вейл, вы — её главный катализатор.

Нора почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось — тихо, почти беззвучно, точно лопнула натянутая струна, — но внешне она не дрогнула, только чуть приподняла подбородок, и Макс, заметив это, незаметно сделал шаг вперёд, оказываясь чуть ближе, чем требовали приличия.

— Это очень удобная позиция, — сказала она, и голос её звучал ровно, почти холодно, — свалить всю ответственность на человека, который только что прибыл и ещё ничего не сделал. Может быть, вы объясните, что именно я катализирую и каким образом? Потому что, знаете ли, я учёный, и я предпочитаю факты, а не общие слова.

Харрингтон кивнул, точно ожидал этого, и, достав из кармана золотые часы, щёлкнул крышкой с той небрежной элегантностью, которая, по всей видимости, должна была произвести впечатление.

— Извольте, — сказал он, — я прибыл из две тысячи сорок первого года. В моём времени ваша теория хрональной нестабильности была доведена до практического применения — не вами, мисс Вейл, вы к тому моменту уже... — он сделал паузу, и в этой паузе было столько

зловещей многозначительности, что Нора почувствовала, как у неё холодеют пальцы, — скажем так, вы отошли от дел. Но ваши последователи, вдохновлённые вашими работами, создали устройство, которое позволило не просто перемещаться во времени, а изменять его. И они изменили. Сначала по мелочи — предотвратили несколько войн, спасли несколько жизней. А потом кто-то решил, что можно спасти больше. И время начало трескаться. Буквально. По швам. В моём мире, мисс Вейл, не существует Оксфорда. Не существует Лондона. Не существует Англии. Есть только серая пустота, в которой иногда появляются люди — такие же, как вы, — которые пытаются исправить то, что уже нельзя исправить.

Он замолчал, и в наступившей тишине было слышно, как где-то в доме женщина поёт колыбельную — тихо, протяжно, на языке, которого Нора не знала, но который почему-то показался ей знакомым, точно она слышала его в детстве, в бабушкином доме, где пахло пряностями и старыми книгами.

— И вы прибыли сюда, — медленно произнесла Нора, переваривая услышанное с той скоростью, на которую был способен её ум, — чтобы предотвратить это. Каким образом? Убить меня? Стереть мои работы? Убедить прабабушку сжечь рукописи, чтобы я никогда не занялась наукой?

Харрингтон покачал головой, и в его глазах появилось что-то похожее на сожаление — или на очень хорошо сыгранное сожаление, она не могла разобрать.

— Я прибыл, — сказал он, — чтобы предложить вам выбор. Вы можете вернуться домой, в свой Оксфорд, в свою лабораторию, и продолжить свои исследования — но с одним условием: вы никогда не должны доводить их до практического применения. Ни вы, ни ваши последователи. Вы можете знать, что время поддаётся изменению, но не можете это знание использовать. И тогда, — он развёл руками, точно фокусник, показывающий пустой цилиндр, — будущее останется целым. Ваше будущее. Моё будущее. Будущее всех.

— А если я откажусь? — спросила Нора, и голос её прозвучал очень тихо, но очень отчётливо.

— Тогда, — Харрингтон щёлкнул крышкой часов, и звук получился резким, точно выстрел, — я буду вынужден принять меры. И поверьте мне, мисс Вейл, эти меры не доставят мне удовольствия. Я не злодей, каким вы меня, вероятно, уже нарисовали в своём воображении. Я просто человек, который пытается спасти то, что ещё можно спасти. И, к сожалению, иногда для этого приходится жертвовать теми, кто этого не заслуживает.

Макс, всё это время молчавший, наконец сделал шаг вперёд и встал рядом с Норой — не перед ней, защищая, а именно рядом, плечом к плечу, — и в этом жесте было столько спокойной, непоказной решимости, что Нора почувствовала, как у неё перехватило горло.

— Позвольте мне кое-что уточнить, — сказал он, и голос его звучал вежливо, почти бесстрастно, но Нора знала его достаточно хорошо, чтобы услышать под этим слоем холодную, тщательно сдерживаемую ярость. — Вы утверждаете, что прибыли из будущего, которое разрушено работами мисс Вейл. Но вы также утверждаете, что прибыли, чтобы предотвратить это разрушение. Однако, насколько я понимаю, вы уже вмешались — вы убедили миссис Вейл сжечь её рукописи, вы ждали нашего прибытия, вы подготовили для нас... — он сделал паузу, подбирая слово, — сценарий. Разве это не означает, что вы уже изменили прошлое? И разве не логично предположить, что ваше вмешательство — а не наше — является настоящей причиной того, что должно случиться?

Харрингтон смотрел на него несколько секунд, и в его светлых глазах что-то мелькнуло — раздражение? уважение? — прежде чем он снова улыбнулся своей безупречной улыбкой.

— Вы очень проницательны, мистер Крамер, — сказал он, — и вы абсолютно правы. Я уже изменил прошлое. Но я сделал это, чтобы предотвратить большее зло. Это называется «меньшее из двух зол», и, полагаю, вы, как учёный, должны понимать эту концепцию.

— Я понимаю эту концепцию, — отозвался Макс, и голос его стал ещё тише, ещё вежливее, и от этого — ещё опаснее, — но я также понимаю, что «меньшее из двух зол» — это всегда выбор того, кто стоит у власти. И, простите мне мою прямоту, но я не вижу никаких доказательств того, что вы стоите у власти законно. Вы прибыли сюда, назвались именем, которого никто не проверял, рассказали историю, которую невозможно подтвердить, и требуете от нас отказа от всего, ради чего мы работали. Это не «меньшее из двух зол», мистер Харрингтон. Это шантаж.

Наступила тишина — такая густая, что её можно было резать ножом. Маргарет, стоявшая чуть поодаль, переводила взгляд с одного на другого, и лицо у неё было задумчивым, точно она взвешивала что-то, известное только ей одной. Харрингтон смотрел на Макса с тем выражением, с каким человек смотрит на неожиданно умного противника, — и в этом выражении было что-то, от чего у Норы по спине пробежал холодок.

— Что ж, — сказал он наконец, и голос его утратил часть своей вкрадчивости, став жёстче, суше, — я вижу, что мы не найдём общего языка сегодня. Это... прискорбно. Но я не собираюсь вас принуждать. Пока. — Он повернулся к Маргарет и отвесил ей лёгкий поклон, от которого у Норы свело скулы. — Миссис Вейл, благодарю вас за гостеприимство. Надеюсь, вы обдумаете моё предложение. И вы, мисс Вейл, — он снова посмотрел на Нору, и в его глазах было что-то, от чего ей захотелось отшатнуться, — тоже. У вас есть три дня. Через три дня я вернусь, и тогда мы поговорим... более предметно.

Он сел на лошадь с той же неторопливой элегантностью, с какой и слез, и уехал — не оборачиваясь, не торопясь, точно был абсолютно уверен в том, что его не станут преследовать. И только когда стук копыт стих в отдалении, Нора поняла, что всё это время стояла, сжав кулаки так, что ногти оставили на ладонях глубокие следы.

— Он лжёт, — сказала она, и голос её дрожал — не от страха, а от ярости, — я не знаю, в чём именно, но он лжёт. Может быть, не во всём, но в главном. Люди, которые говорят правду, не назначают трёхдневных сроков.

Маргарет подошла к ней, и в её движениях была та же собранность, что и раньше, но теперь к ней прибавилось что-то ещё — решимость, от которой у Норы внутри что-то отозвалось, точно она услышала эхо собственной крови.

— Я знаю, — сказала Маргарет тихо, — я знала это с самого начала. Но я сожгла рукописи не потому, что поверила ему. Я сожгла их потому, что он дал мне доказательство. — Она помолчала, глядя куда-то вдаль, поверх плеча Норы, точно видела что-то, чего не видела она. — Он показал мне газету из две тысячи сорок первого года. Заголовок: «Оксфорд уничтожен в результате эксперимента по изменению времени». И под заголовком — фотография. Женщина, очень похожая на тебя, стоящая в руинах. Я не знала, правда ли это. Я до сих пор не знаю. Но я не могла рисковать. Не могла рисковать тобой.

Нора смотрела на неё, и в горле у неё стоял комок, который она не могла ни проглотить, ни вытолкнуть.

— А теперь? — спросила она. — Теперь вы верите ему?

Маргарет покачала головой — медленно, задумчиво.

— Теперь я верю тебе, — сказала она, — потому что ты стоишь здесь, живая, настоящая, и потому что ты смотришь на меня его глазами — глазами человека, который не боится задавать вопросы. И потому что, — она улыбнулась, и улыбка у неё была такая же, как у Норы, — если бы ты была опасна, ты бы не стала тратить время на разговоры. Ты бы уже что-нибудь сломала.

Нора невольно фыркнула — коротко, неожиданно даже для себя, — и в этот момент Макс, стоявший чуть поодаль, тихо кашлянул.

— Прошу прощения, что прерываю столь трогательную семейную сцену, — сказал он, и в голосе его снова звучал привычный сарказм, хотя Нора заметила, что руки у него всё ещё

слегка дрожат, — но у нас, кажется, есть проблема посерьёзнее, чем мистер Харрингтон и его трёхдневный ультиматум. А именно: мы не знаем, как вернуться домой. Мы не знаем, где находится точка возврата. И, что самое неприятное, — он посмотрел на Нору с той прямотой, которая всегда означала, что он говорит серьёзно, — мы не знаем, действительно ли то, что он сказал, — ложь. Потому что, если он не лжёт, если будущее действительно разрушено нашими работами, то мы, возможно, не должны возвращаться. Мы, возможно, должны остаться здесь и сделать всё, чтобы этого не случилось.

Нора молчала, чувствуя, как внутри неё борются два противоположных желания: вернуться домой, в свою лабораторию, к своей жизни, к своим исследованиям — и остаться здесь, в этом чужом, жарком, пряном мире, чтобы разобраться, чтобы понять, чтобы найти правду, которую от неё скрывают. И где-то на периферии этого внутреннего спора билась ещё одна мысль, смутная и тревожная: если они останутся, то рано или поздно им придётся иметь дело с людьми. С другими людьми. С теми, кто живёт здесь, в этом времени, и кто, возможно, уже знает о них больше, чем они сами.

— Для начала, — сказала она наконец, и голос её звучал твёрдо, — нам нужно найти точку возврата. Если Харрингтон смог сюда попасть, значит, есть способ вернуться. И, судя по тому, что он не боится оставлять нас здесь на три дня, он уверен, что мы не найдём его сами. Значит, нам нужно найти кого-то, кто знает больше, чем мы. Кого-то, кто, возможно, уже сталкивался с такими, как мы.

Маргарет, всё это время слушавшая молча, вдруг подняла голову, и в её глазах вспыхнуло что-то — узнавание, догадка, — от чего у Норы внутри всё сжалось в предчувствии.

— Есть один человек, — сказала Маргарет медленно, точно взвешивая каждое слово, — ирландец. Историк. Он приезжал сюда год назад, изучал архивы, расспрашивал о старых семьях. Он был... странным. Говорил о вещах, которых не мог знать. И однажды, когда я спросила его, откуда он, он ответил: «Из места, где время течёт не так, как здесь». Я тогда не придала этому значения. Но теперь... — она посмотрела на Нору с той прямотой, которая передалась ей через поколения, — теперь я думаю, что тебе стоит с ним поговорить. Его зовут Дэниэл ОКоннелл, и, если я не ошибаюсь, он остановился в Порт-оф-Спейне, в гостинице «Королевский герб».

Нора перевела взгляд с прабабушки на Макса, и Макс, встретив её взгляд, медленно кивнул — коротко, едва заметно, но в этом кивке было всё: согласие, поддержка и что-то ещё, что-то, от чего у неё внутри разлилось тепло, которого она не ожидала.

— Тогда, — сказала она, и в её голосе впервые за весь этот долгий, невозможный день прозвучала настоящая, ничем не подкреплённая уверенность, — завтра мы едем в Порт-оф-Спейн. И найдём мистера ОКоннелла. Потому что, если Харрингтон думает, что мы будем сидеть сложа руки и ждать его возвращения, он сильно, очень сильно ошибается.

Глава четвёртая. Порт-оф-Спейн

Дорога до Порт-оф-Спейна заняла почти весь день, и Нора, сидевшая в трясущемся экипаже рядом с Маргарет, которая настояла на том, чтобы поехать с ними, — «не потому, что я тебе не доверяю, а потому, что я знаю эти места лучше, чем ты когда-либо узнаешь», — успела тысячу раз пожалеть о том, что вообще согласилась на эту поездку. Солнце палило нещадно, пыль, поднимавшаяся из-под колёс, забивалась в нос и в горло, а дорога, петлявшая между плантациями сахарного тростника, казалась бесконечной, и всё это время Нора ловила себя на том, что думает о Максе — о том, как он сидит напротив, с закрытыми глазами и выражением человека, который пытается убедить себя, что всё происходящее — просто дурной сон, и о том, что она, кажется, впервые за много лет была рада чьему-то присутствию рядом, даже если это присутствие принадлежало человеку, который ещё вчера бесил её одним своим существованием.

Порт-оф-Спейн встретил их шумом, гамом и той особенной суетой портового города, где смешались сотни языков, сотни запахов и сотни оттенков кожи, и Нора, выбравшись из экипажа, на секунду замерла, оглушённая этим многоголосием, чувствуя, как под ногами качается земля — не от усталости, а от того, что она никак не могла привыкнуть к мысли, что всё это происходит на самом деле. Гостиница «Королевский герб» оказалась трёхэтажным зданием с облупившейся краской и вывеской, на которой лев, державший щит, выглядел так, будто его нарисовал человек, никогда не видевший львов, и Нора, толкнув тяжёлую дверь, сразу же оказалась в полумраке, пахнущем ромом, табаком и старой древесиной.

— Мистер ОКоннелл? — переспросил хозяин, полный мужчина с пышными усами, когда Нора объяснила, кого ищет, и в его глазах появилось что-то — настороженность? любопытство? — от чего она внутренне напряглась. — Да, он здесь. Второй этаж, комната семь. Но, предупреждаю, мисс, он человек... странный. Не то чтобы плохой, нет. Просто странный. Говорит такие вещи, что потом всю ночь думаешь, не послышалось ли.

Нора поблагодарила его и, поднимаясь по скрипучей лестнице, чувствовала, как внутри неё нарастает то самое напряжение, которое всегда предшествовало важным открытиям, — и когда она постучала в дверь комнаты семь, то сделала это громче, чем собиралась.

Дверь открылась почти сразу, и на пороге появился мужчина — высокий, с растрёпанными рыжеватыми волосами и глазами такого пронзительно-синего цвета, что Нора на секунду забыла, зачем пришла. На нём была рубашка с закатанными рукавами, жилет, висевший на одном плече, и выражение человека, которого только что оторвали от очень интересной книги, — и всё это вместе взятое подействовало на Нору так неожиданно, что она, всегда находившая нужные слова, сейчас просто стояла и молчала, чувствуя, как краска приливает к щекам.

— Вы, должно быть, мисс Вейл, — сказал он, и голос у него был низкий, с мягким ирландским выговором, который превращал самые обычные слова в музыку, — я ждал вас раньше. Но, полагаю, дорога из Оксфорда в Тринидад неблизкая.

Нора моргнула, чувствуя, как земля уходит из-под ног во второй раз за этот день.

— Откуда вы знаете, что я из Оксфорда? — спросила она, и голос её прозвучал резче, чем она хотела. — И откуда вы знаете моё имя?

Он отступил в сторону, жестом приглашая её войти, и Нора, переступив порог, обнаружила, что комната завалена книгами и бумагами — старыми, пожелтевшими, исписанными мелким почерком, — а на столе, среди всего этого хаоса, лежала карта, исчёрканная красными линиями, которые она сразу узнала, потому что сама рисовала такие же в своей лаборатории.

— Меня зовут Дэниэл ОКоннелл, — сказал он, закрывая дверь, — и я знаю о вас больше, чем вы можете себе представить. Но, прежде чем я что-то объясню, позвольте мне задать вам один вопрос. — Он повернулся к ней, и в его синих глазах было что-то такое, от чего у Норы

перехватило дыхание. — Когда вы переместились сюда, вы почувствовали привязку? Что-то, что тянуло вас к определённому месту, к определённому человеку? Что-то, что вы не могли объяснить, но что было сильнее вас?

Нора замерла. Она не рассказывала об этом никому — даже Максу, даже Маргарет, — потому что сама не до конца понимала, что это было, но теперь, глядя в эти синие глаза, она вдруг поняла, что не может лгать.

— Да, — сказала она тихо, — я почувствовала. Когда мы оказались здесь, я ощутила... — она запнулась, подбирая слово, — притяжение. Точно кто-то держал меня за нить и тянул в определённую сторону. Я думала, это часть перемещения. Но потом, когда мы ехали сюда, это чувство усилилось. И сейчас... — она обвела взглядом комнату, книги, карту, — сейчас оно сильнее, чем когда-либо.

Дэниэл кивнул, и в его глазах появилось выражение, которое она не смогла расшифровать, — облегчение? печаль? — прежде чем он отвернулся и подошёл к окну, глядя на улицу, где всё ещё кипела жизнь, не подозревающая о том, что в этой маленькой комнате только что рухнула ещё одна стена между прошлым и будущим.

— Я тоже это чувствую, — сказал он, не оборачиваясь, — с того момента, как вы появились в этом времени. Я почувствовал это, когда вы ещё были в Оксфорде, за много месяцев до вашего перемещения. Я знал, что вы придёте. Я ждал вас.

Нора почувствовала, как у неё пересохло во рту, и, опустившись на стул — единственный свободный, потому что остальные были завалены бумагами, — она сжала руки в кулаки, чтобы они не дрожали.

— Объясните, — сказала она, и голос её прозвучал хрипло, — объясните мне всё. Кто вы? Почему вы меня ждали? И почему, ради всего святого, я чувствую, что знаю вас, хотя вижу впервые в жизни?

Дэниэл обернулся, и в его улыбке было столько горечи, что у Норы внутри всё сжалось.

— Потому что вы действительно меня знаете, — сказал он тихо, — только не помните об этом. Мы встречались раньше, мисс Вейл. В другом времени, в другой жизни. И, боюсь, то, что произошло тогда, — это и есть причина, по которой вы сейчас здесь.

Глава пятая. То, что было забыто

Дэниэл опустился на край стола, сдвинув в сторону стопку бумаг, и несколько секунд молчал, глядя на свои руки, точно собираясь с духом перед тем, как произнести что-то, что уже давно не давало ему покоя. За окном кричали торговцы, где-то играла музыка, и весь этот шум большого портового города вдруг показался Норе далёким и нереальным, точно она смотрела на него сквозь толщу воды.

— Вы, вероятно, думаете, что я сумасшедший, — начал он наконец, и в его голосе не было ни тени улыбки, — или что я пытаюсь вас запутать. Но я не сумасшедший, мисс Вейл, и я не пытаюсь вас запутать. Я историк. Точнее, я был историком, пока не обнаружил, что история, которую я изучаю, — не совсем та, которая произошла на самом деле.

— Это я уже поняла, — отозвалась Нора, и голос её прозвучал суше, чем она хотела, — вы знаете обо мне то, чего не должны знать, вы ждали меня в Тринидаде в тысяча девятьсот двенадцатом году, и вы чувствуете то же притяжение, что и я. Я не прошу вас начинать с начала. Я прошу вас объяснить, что это значит.

Дэниэл поднял на неё глаза, и в них было что-то — уважение? благодарность? — от чего ей стало не по себе.

— Хорошо, — сказал он, — тогда я начну с главного. Вы слышали о хрональной нестабильности — это ваша теория, вы её разработали, и именно она привела вас сюда. Но то, что вы, вероятно, не знаете, — это то, что ваша теория была не первой. За сто лет до вас, в тысяча восемьсот двенадцатом году, женщина по имени Мэри Энн Уэстбрук, жившая в Дублине, написала трактат под названием «О природе времени и его отношении к человеческим эмоциям». Она утверждала — и, как выяснилось позже, была права, — что время не является линейной величиной, а представляет собой сеть, узлы которой привязаны к сильным эмоциональным всплескам. Она также утверждала, что человек, обладающий определённым типом нервной системы, может перемещаться между этими узлами, — он сделал паузу и посмотрел на Нору с той прямотой, которая уже начинала её пугать, — и, судя по тому, что вы сейчас здесь, вы — потомок Мэри Энн Уэстбрук. По женской линии. Через вашу прабабушку, Маргарет Вейл, которая, как вы, вероятно, уже знаете, тоже обладала этой способностью, но так и не решилась её использовать.

Нора почувствовала, как пол под ногами снова становится зыбким — в третий раз за этот день, — и ей пришлось схватиться за край стула, чтобы не встать и не начать ходить по комнате, потому что она знала за собой эту привычку: когда она нервничала, она не могла сидеть на месте.

— Значит, — медленно произнесла она, — вы хотите сказать, что моя способность — не случайная мутация, а наследственная черта, которая передавалась в моей семье из поколения в поколение? И что моя прабабушка знала об этом?

— Ваша прабабушка знала, — подтвердил Дэниэл, — но она также знала, что за людьми с такими способностями охотятся. Не Харрингтон — он появился позже, — а другие. Те, кто считал, что перемещение во времени — это не дар, а болезнь, которую нужно лечить. Ваша прабабушка сожгла свои рукописи не только потому, что Харрингтон убедил её в том, что они опасны, но и потому, что она пыталась защитить вас. Она знала, что если кто-то узнает о том, что в вашей семье есть эта черта, то рано или поздно он придёт за вами. И, как видите, — он развёл руками, — он пришёл.

Нора молчала, переваривая услышанное, и в этой тишине было что-то почти осязаемое — точно воздух в комнате стал плотнее, наполнившись именами, датами и связями, которые она только начинала распутывать.

— А вы? — спросила она наконец. — Какое отношение вы ко всему этому имеете? Вы сказали, что мы встречались раньше. Что это значит?

Дэниэл опустил глаза, и на его лице появилось выражение, которое она видела у людей, стоявших на краю важного признания, — смесь страха и решимости.

— Мэри Энн Уэстбрук, — сказал он тихо, — была моей прапрабабушкой. По отцовской линии. Я — потомок той самой женщины, которая написала первый трактат о хрональной нестабильности. И, как и вы, я унаследовал... — он запнулся, подбирая слово, — чувствительность. Я не могу перемещаться во времени, как вы. Но я могу чувствовать узлы. Те места, где время истончается и где возможны переходы. Я чувствовал вас за много месяцев до того, как вы появились здесь. Я знал, что вы придёте, потому что... — он поднял на неё глаза, и в них было столько всего, что у Норы перехватило дыхание, — потому что мы уже встречались. В другом времени. В другой жизни. И тогда всё закончилось... не так, как должно было.

Нора почувствовала, как у неё холодеют пальцы, и, прежде чем она успела задать следующий вопрос, дверь комнаты распахнулась, и на пороге появился Макс — растрёпанный, запыхавшийся, с таким выражением лица, точно он только что пробежал несколько кварталов без остановки.

— Прошу прощения, что прерываю, — сказал он, и голос его звучал резко, почти грубо, но Нора, знавшая его достаточно хорошо, услышала под этим раздражением настоящую тревогу, — но у нас проблема. Я только что видел Харрингтона. Он в Порт-оф-Спейне. И, судя по тому, что он направляется к этой гостинице, он знает, где мы.

Дэниэл поднялся со стола так быстро, что бумаги, лежавшие на нём, разлетелись по полу, и Нора, вскочив следом, почувствовала, как притяжение, о котором она говорила, вдруг усилилось — резко, почти болезненно, — точно кто-то дёрнул за ту самую нить, о которой она пыталась забыть.

— У нас нет времени, — сказал Дэниэл, и голос его стал собранным, жёстким, без следа той мягкости, которая звучала в нём минуту назад, — если Харрингтон здесь, значит, он не собирается ждать три дня. Он собирается забрать вас сейчас. И, если он это сделает, — он посмотрел на Нору с той прямотой, от которой у неё внутри всё сжалось, — вы никогда не вернётесь домой. Ни в Оксфорд, ни в своё время. Он запрёт вас в таком месте, где время течёт иначе, и вы будете жить там, пока не забудете, кто вы и откуда пришли.

Макс, стоявший в дверях, сделал шаг вперёд, и в его движениях была та самая решимость, которую Нора видела в нём в лаборатории, когда он брался за решение задачи, казавшейся неразрешимой.

— Тогда мы уходим, — сказал он, и голос его не допускал возражений, — сейчас. Через чёрный ход. У нас есть преимущество — мы знаем город хуже, чем он, но мы знаем, что он нас ищет. Значит, нам нужно место, где он не станет искать.

Дэниэл кивнул, и в его глазах вспыхнуло что-то — узнавание? уважение? — прежде чем он повернулся к Норе.

— У меня есть убежище, — сказал он, — за городом. Старый дом, который принадлежал моей семье. Там истончение времени настолько сильное, что Харрингтон не сможет вас там найти. Но, чтобы туда добраться, нам нужно пройти через рынок, а рынок в это время дня кишит людьми, которые могут его предупредить.

Нора перевела взгляд с Макса на Дэниэла, и в этот момент, стоя в маленькой комнате, заваленной книгами и картами, с двумя мужчинами, каждый из которых знал о ней что-то, чего она сама не знала, она вдруг отчётливо поняла одну вещь: она больше не может позволить себе быть просто учёным, наблюдателем, человеком, который изучает время со стороны. Теперь она была частью этого времени — и, чтобы выжить, ей придётся действовать.

— Тогда не будем терять времени, — сказала она, и голос её прозвучал твёрдо, почти холодно, — показывайте дорогу, мистер ОКоннелл. И, по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.